

A movie poster for 'The Zero Patient'. The central figure is a person in a full spacesuit, but their head is a human skull. The skull has glowing purple eyes and several purple tentacles emerging from its mouth. The background is a dramatic space scene with a city skyline (resembling New York City) visible on a distant planet, a large ringed planet in the upper left, and a bright orange sun or star in the upper right. The ground is rocky and desolate.

НУЛЕВОЙ ПАЦИЕНТ

КИР НЕИЗВЕСТНЫЙ

Кир Неизвестный

Нулевой пациент

Серия «Армагеддон», книга 2

<https://litres.ru/67910520>

SelfPub; 2026

Аннотация

Первый рассказ из сборника "Сказки Армагеддона". Серия собой открывает нераскрытые тайны книги "Армагеддон. Коллекция". На Лунной станции случайно открыли могильник с древними инопланетными вирусами. Персоналу станции придется столкнуться с невероятным ужасом и неизвестными науке артефактами внеземной жизни. Содержит нецензурную брань.

Кир Неизвестный

Нулевой пациент

Предисловие.

Лиза сбежала. Сбежала из города, из страны, с планеты. Хотя ей и казалось вначале это невозможным, но у неё все получилось! Накидав первых попавшихся шмоток под руку в клетчатый чемоданчик, схватив дочку за руку и выбежав во двор, под яркое полуденное солнце, она точно знала, что не вернется сюда. К мужу, в эту убогую, с покрашенными в зеленый цвет стенами, квартиру. Казалось, что эта квартира никогда не мылась, хотя она прибиралась каждый день. Убогости жилищу добавляли шторы на окнах – они выцвели и скорее напоминали половые, истерзанные шваброй и временем, тряпки, с пятнами потертостей. А еще были сами окна – деревянные, расщепленные, отторгнувшие голубую масляную краску, что теперь так небрежно и кудласто махрилась с двух сторон. Кривая входная дверь, не желавшая закрываться с первого раза, изъеденная мебель, пузырь телевизора на треноге, и вездесущая пыль в косых столбах света. Все это так выглядело, словно бы они, жившие в веке современном, зайдя к себе домой, вдруг перемещались в середину девятнадцатого века, в рассвет промышленной эпохи. И все бы ничего, может и привыкли бы они с дочкой, потерпели, как их просил её муж, но.... Стоило им только

выйти за дверь, спустится по подъездной лестнице и выйти на тротуар, безвольно довольствующейся той малой частью, что дарила, жирно блестящая умытым асфальтом, прилегающая дорожная часть, как они сразу понимали в каком времени живут. Проезжающие машины сыто блестели полированными боками, довольные самосознанием своего превосходства шуршали шинами. А внутри этих великолепий, ехали люди, что-то говорили в ладонь, белозубо улыбались или вовсе смеялись, радовались солнечному дню, наслаждались жизнью. Так ехали мимо них, молодой женщины в перестиранном и выдавшем виды платье до колен и маленькой, четырехлетней девочки, которой было сложно объяснить, почему они так же не могут жить.

В последнее время Лиза часто плакала, растирала слезы кулаками, пыталась разозлиться и найти в самой себе силы сопротивляться обстоятельствам. Но ей все реже это удавалось и все чаще, натываясь на стену неприятия такой жизни, понимала, что не удастся ничего изменить. В этом месте они втроем: Лиза, их маленькая дочурка Алиса и её муж, отец ребенка Орбан, жили последние два года. И хотя, Лиза это точно знала, у Орбана были деньги для безбедного существования, её муж ничего не хотел менять, просил потерпеть, просил подождать. Только она уже не могла больше мириться с такой жизнью! Алиса, уже такая взрослая и интуитивно все понимавшая, чаще стала задавать неудобные вопросы. Но, что еще хуже – уже скоро ей придется идти в школу, где де-

ти, искренне не понимающие тонкости случайной жестокости, будут ненасытными в колкостях и унижениях чудачки из бедного района.

Иногда ей удавалось отвлечься от окружающего их мирка, утяться вслед сытым и лощеным картинкам, выпускаемых пузатым аквариумом на треноге, помечтать о другой своей жизни, неведомой, фантастичной:

«...Абсолютная воля и все время только ваше! Здесь осуществятся все ваши мечты – страстные, тайные, великие! У нас, в городе подлинного счастья, вы не узнаете старости, просто потому, что она не знает сюда дороги. А наша, не побоюсь этого слова, ведь так на самом деле есть, прогрессивная и на десятки лет опережающая земной прогресс, медицина, подарит вечную жизнь. Приезжайте к нам за отдыхом, за восстановлением сил и здоровья. Приезжайте к нам жить. Приезжайте к нам за вечностью! Напомню – мы находимся на темной стороне Луны, в городе под куполом. Сегодня нам уже исполнилось пятнадцать лет, поэтому всех ждут подарки! И с сегодняшнего дня, дня, ознаменовавшего собой новую эру человечества, мы сменили имя города! И дали ему его настоящее, самое достойное и великолепное! ВОС-ТОРГ!..»

Однажды она решилась, плюнула на все, забежала с дочкой на биржу труда, отстояла короткую душную очередь, благодаря вежливое и молчаливое терпение Алисы. Терпеливо прослушала возмущения безработных, которых не

устроивал график, удаленность от мест проживания, маленькая социальная страховка, трудности адаптации, частые командировки или название фирмы. Подошла сама. Оказалось, что никакой биржи не было. Но был стол с белой скатертью, на котором лежали бумажные листки с черными буквами – названиями вакансий, зарплатой и остальным, необходимым. За столом сидела женщина, лет сорока, с копной черных волос и измученными глазами, посмотрела на неё и девочку, кивнула на листки. Лиза не стала выбирать, схватила первый попавшийся листок, сложила в руках и отошла от стола. Не стала смотреть в него, не пошла возвращаться к столу, как просили, чтобы записать её данные. Тихо вышла из пропитанного недовольством помещения, выдохнула из себя воздух биржи, успокаивая бешено колотившееся сердце, посмотрела на ребенка. Алиса держала её за руку и смотрела на неё в ответ, сейчас так похожая на беззащитного котенка, всё понимая. И она не зная, как отблагодарить ребенка, купила ей мороженое. Потом, уже на лавочке, что таилась в сумраке близкого и случайного парка, когда Алиса увлеченно занялась лакомством, она все же решилась. Достала сложенный листок, развернула и торопливо сложила вновь. Она не поверила, в то, что увидела и, решив перепроверить, вновь открыла. Там было следующее:

***Оператор манипулятора. Сектор Д. База – 386BIS.
Бассейн Эйткен. Луна.***

Требуется оператор аппарели фрахтовщика, пикет

3456+08. Обучение. Зарплата 12000 \$ за двое звездных суток. Контракт минимум десять суток. Медицинская страховка, жилье, отпуск, график, семейный хостел....

Она перестала читать после того, как поняла, что работать нужно на Луне. Это её полностью устраивало, все же остальное, Лиза воспринимала как приятные бонусы.

Вечером, в присутствии мужа, вела себя, как обычно, интересовалась его делами, рассказывала о своих планах, о тех, что были бы у нее до сегодняшнего дня. Они поужинали и потом, встав из-за стола, Орбан не пошел, как обычно бывало, на диван, к телевизору. Он подозвал дочку, нежно прижал её и пообещал, что он уже близко к какой-то, одной ему ведомой цели, и что она, как героиня старой сказки, откроет ему дверь в волшебную страну. Поцеловав их, он, вопреки сложившейся традиции, пошел спать.

А на утро, они с Алисой, уже ехали в серебряном автобусе, плавно покачивающийся на дорожных волнах. В автобусе работал кондиционер и телевизор, который вещал в пространство над головами пассажиров:

«...– Помните те случаи с бактериофагами? – Говоривший был одет в белый медицинский халат, а на носу блестели стеклами очки. И вообще он сильно смахивал на доктора, поэтому, скорее всего, все, что он говорил, было правдой. Так считала Лиза, не подвергавшая сомнению верховенство высшего образования. – Это так нам говорили, но скорее всего

там уже были побочные продукты, что-то типа верионов, со своими белковыми и генными наборами. Да-да. Это тот случай, когда каракатиц и медуз спутника Европы, пытались социально адаптировать к Земным понятиям. Проще говоря, разумную, но не понятую жизнь, стремились цивилизовать под человека. А потом что-то пошло не так в том эксперименте – космическая лаборатория спец карантина потерпела катастрофу, но не такую глобальную и разрушительную, и была впоследствии восстановлена. Но результаты исследований были утрачены. – Телеведущий прохаживался по студии, больше напоминаяшую лабораторию. – Грубо говоря, пробирки с верионами пропали. А как выяснилось потом, эти бактериофаги были не совсем обычными, содержали геномный код одной из сотрудниц. Пропажа, конечно, нашлась потом на рейдере «Оби Микел». Как пробирки там оказались – объяснения не нашли, хотя и предполагали, что это обычная ошибка фрахтовщиков, которые неверно прочитали бортовой номер груза. Но не это самое интересное. – Ведущий резко остановился и сверкнул линзами очков в камеру. – Занятные события начались потом, когда выяснилось, что часть пробирок было разбито, а их содержимое, обнаружилось на мордах карликовых вомбатов, которыми и хотели заселять обжитые участки Марса. Ну, вы же знаете из наших предыдущих передач – недавно выяснилось, что вомбаты оказались равнодушны к местным паразитам и охотно их поедали. Так вот, после соединения верионов с кро-

вью животных, у последних проявилось человеческое сознание, вплоть до копирования смены настроения. И не важно, что часть из этих животных, была мужского пола – все вели себя в соответствии с канонами женского поведения человеческой особи. Сначала было весело наблюдать, как ранее безмолвные и неуклюжие животные копируют человека. Но, потом, когда они стали между собой общаться и социализироваться, разделяя и делегируя зоны ответственности, и это стало приносить свои, исковерканные представлением животного о социуме, плоды – смех быстро прекратился. С той поры все эксперименты засекретили, а зону отчуждения вынесли на Луну, куда-то на темную сторону. Куда – никто не знает...».

Так они попали в центр подготовки космонавтов южного филиала НАСА. Впрочем, их никто не спешил готовить, ограничившись стандартными процедурами, парами уколов в плечо и пробой на аллергические реакции. Уже через день, они и еще семеро смельчаков, облаченные в противоперегрузочные костюмы, рассаживались в безграничном нутре стратосферного гиперзвукового лайнера, с романтическим названием «Алита». Им предстояло подняться на высоту в почти двадцать пять тысяч метров и там, их капсулу, по шаттловской системе, подберет русский ядерный буксир «Зевс», который обслуживал систему космического лифта. Далее будет пересадка на международной станции «ЮЛА», рассчи-

танной на триста тысяч обитателей, и вечно переселенной, а уже с неё, на лихтере «Калипсо», им предстояло добраться в конечную точку путешествия. На темную сторону Луны.

На лайнере всех удобно рассадили по мягким, противоперегрузочным креслам, которые своим объятиями напоминали водяные матрацы, пристегнули трехточечными ремнями, надели высотные маски, на случай внезапного кислородного голодания, и с напутствиями, дали добро на старт. Перегрузка буквально вдавила в кресла и только теперь они поняли всю прелесть в ватном сопротивлении перегрузкам. Только благодаря этим креслам, они смогли пережить чудовищные ускорения.

На высоте около двадцати трех километров, когда на электронном табло их салона, отобразилась высота, забортная и бортовая температуры, скорость полета в четырнадцать скоростей звука, их подобрал «Зевс». Сначала они почувствовали легкую вибрацию, потом толчок и следом плавный подъем. Цилиндрические внутренние бока капсулы стали прозрачными и пассажиры, даже те, для кого этот вылет не был первым, не удержали вздоха восхищения, когда голубая дымка стратосферы медленно растворялась в черном пространстве окружающего космоса. И так стало ей вдруг тоскливо, словно бы она покидала самого родного человека. Так же было, когда она прощалась со своей мамой, уезжая в супружескую высылку, на просторы неизвестного края. Лиза тогда, хоть и пыталась, но не удержалась – разревелась, как

маленькая девочка, а её мама, все стояла и стояла на крыльце их фермерского старого домика и махали ей вслед потрепанной соломенной шляпой. Почему-то именно тогда, она поняла, что больше не увидит маму живой.

«Зевс», как и положено ему, доставил капсулу на высокую орбиту и там, она на химической тяге, в автоматическом режиме, в течение четырех часов, пристыковалась к «Юле». На станции всю команду сразу поместили в зону спецкарантина СК-3 и продержали еще пару часов, пока не появился доктор с медсестрой. В ожидании Лиза уставилась в экран телевизора, показывающий невероятные картинки космоса, а голос за кадром вещал:

«...Помните тот разбитый корабль, что мотается в астероидном поясе таким покинутым «Голландцем», страшным напоминанием нам, о том, что космос все так же опасен для нас, человечества. Его как-то пытались эвакуировать, дотянуть до ближайшей утиль – фабрики. Но не тут-то было, там такая дьявольщина началась, разное привиделось тем десантникам, которые решились сойти на его борт. Вам любой скажет, что они вовсе не из робкого десятка – все поработали на орбитах внешних планет. Все знают, как не просто бывает в той же Юпитерианской системе...»

Доктора звали Паулюс Генрих Вольфович. Он был не высок ростом, с крючковатым носом и, какими-то не добрыми глазами. Сверху, на плечах с пустыми рукавами, болтался медицинский халат, с голубой вышивкой на правой стороне

груди – «Animagus». Что это значило, Лиза не знала, а спросить стеснялась. Медсестра же, напротив, была стройна, с прекрасным телосложением. Волосы убраны под белый чепчик, на ней самой белый халат выше колен, с такой же надписью на груди, что так привлекала и отвлекала внимание присутствующих своим содержанием. Она представилась Ириной Феоктистовой и в отличие от Генриха Вольфовича, её глаза были наполнены добротой.

Вошедшие поздоровались с присутствующими, поинтересовались самочувствием, наличием прививок, соответствующих допусков, квалификацией, целью прибытия. Выслушали каждого, прислушались к ответам, принялись к словам и, похоже, удовлетворившись проверкой, удалились ставить ревизии в рабочих визах. Через час их всех отпустили, и они недолго колеблясь, без сожаления оставили эту переполненную емкость, болтающеюся в космосе, людьми. Их ждал лихтер.

На корабле встретил не умолкающий ни на секунду капитан. Его звали Натан Войнич, и чувствовалось, что он, соскучившись по живому общению, готов пересказать все новости системы. Лиза обратила внимание на то, что у капитана отсутствовала правая рука до локтя, вместо неё, из рукава полетного пиджака торчал обрубок бионического манипулятора. Она вопросительно посмотрела на капитана, тот в ответ улыбнулся и прокомментировал:

– Это у меня после Юпитера такой «подарочек» остался.

А потом он, никому не отвечая и вроде сам с собой, заговорил, а они, сидевшие рядом, в тесной рубке, вынужденными слушателями внимали:

— Была такая программа «Экстрот». — Он пожал плечами, внутренне соглашаясь с этим фактом. — Предлагала улучшение всех характеристик человека, с помощью инъекции «Экзонит». Все космодесантники, прошедшие отбор на системы внешних планет, были обязаны привиться. Какую конкретную пользу приносила эта инъекция, толком не знал никто, но ходили слухи, что она может спасти жизнь в критической ситуации. Конкретики не было и в слухах, но если ориентироваться на то, что говорили, выходило примерно следующее. Человек приобретал просто поразительные качества такие, как: способность двадцать минут продержаться в открытом космосе без скафандра, ночное зрение, тонкий слух, возможность обновлять кожу, умение распределять сотни градусов жары, при этом, не страдая от ожогов. И как вишенка на торте — больше трех сотен лет жизни.

И мне предлагали. А я что? Каждый раз отказывался. Я же не был космодесантником. Не встречался со всеми ужасами космоса, не смотрел каждый день курносой в глаза. Я был простым капитаном, простого, по меркам современности, кашалота — контейнеровоза и не стремился к подвигам. На собственной шкуре знал, чем заканчиваются подвиги. — Он отвлекся на пилотажные приборы, сверил маршрут, откорректировал авионику. — Моя жизнь состояла не только из

образов романтики, но еще и из стабильной, неторопливой старости. А к ней, я уже начал привыкать на этом лихтере. Если повезет и план начальника станции, огромной сферы Бернала, «Фэнган» Кай Йе, удастся, то он еще, лет с пяток помотается вокруг неё фрахтовщиком. А потом и вовсе спишут в номинальный резерв. Хорошо, если на станцию или планетарный институт имени Йохана Тихого, на Марс, или на крайний случай на дно атмосферы Титана, к пионерам азотной жизни. Только бы не на Землю! – Он разочарованно кашлянул в кулак. – Понимаете, я ведь родился в условиях искусственного воздуха и гравитации Герадии, и не привык к тяжести земной атмосферы. Альма-матер мне всегда давалась тяжело. А еще птицы. Когда пролетает надо мной очередная тень – всегда втягивал голову в плечи. Я думаю, что в меня кинули камень, ничего не могу с собой поделать.

Земные дела.

– В этой стране нет правды! Да и не было её здесь никогда. Кому она тут нужна? И какова была бы её цена, если в ней нуждались? Нет! Тут все по-другому, хотя и говорят, что все по-настоящему. Дома, эти дороги, города – все не правда. Вся Америка сделана так – из картинок и слов. Одним пообещали, другим показали картинки, у третьих под носом пошуршали зеленью. И все. Сила убеждения. Идеология. И больше ничего. – Росс пропустил мужичка, мучительно топтавшегося возле него и по-собачьи услужливо заглядываю-

щего ему в глаза. Росс в нем признал работника кухни, пропустил. Продолжил внутренний диалог.

– Ну, если так все плохо, какого рожна все сюда лезут? И не просто так идут дорогами, а самолетами, поездами, машинами, на кораблях плывут. Что им тут всем – медом намазано? – Возле клуба, вместе с первыми признаками вечерних сумерек, стала накапливаться толпа. Люди переминались, пританцовывали, многие энергично что-то жевали – они все разминались перед приемом брызжащих кварков успешности. И готовились платить за эти призраки. Росс посмотрел поверх голов, и все эти люди показались ему ничтожными. Думают, что город их принял, но нет, как и все другие – занимаются самообманом. И даже, если они строили этот город, он с ними расплатился сполна, и не готов больше принимать их условий. Конечно, это не Вашингтон, не Лас Вегас. Но и захудалым его сложно назвать, особенно если знать о его ночной, тайной жизни. Той жизни, где город забирает время у жителей, освещая им свои артерии, заманивая еще таких, как эти, олухов.

– Эти, – он кинул на очередь презрительный взгляд, – как и те, что прибывают сюда миллионами за фантомами американской мечты. Все они готовы платить цену, и все рассчитывают получить свой кусок. Никто не сомневается. Но Америка, как и этот клуб – словно сука, защищает своих щенков. Просто так не забрать своего счастья, сначала надо стерпеть укусы и злобное рычание. Самому стать зверем, что бы эта

волчица поняла, что ты сможешь защитить свою мечту, свое счастье.

В клубе взвизгнули медью трубы, раздалась тяжелая барабанная дробь, а потом без вступления, без паузы, понеслась черная музыка, и хриплый голос негра затянул blue devils штата Луизина. Белые в очереди задрывали конечностями, застучали подбитыми каблуками, задвигали еще энергичнее челюстями, тщательно стараясь пережевать не пережёвываемое.

– Сначала купили лояльность черных за годы рабства, а потом сами стали рабами. – Сморщившись и не в силах смотреть на корчащиеся тела на брущатке, отвернулся от очереди Росс.

– Ей! – Его позвали из зала. Он обернулся и увидел босса. – Давай! – Замахал он рукой Россу, показывая, что можно начинать вечер. Толпа вздрогнула, зашаталась, словно лес стволами деревьев, двинулась на него многотонной массой. Но все еще была боязливой, недоверчивой – не верила в то, что он получивший свою мечту, может случайно загрызть, неверно растолковав их порыв.

– Этот та еще свинья! – Продолжал он сам с собой разговаривать, одновременно просеивая очередь на тех, кто ослеслаивленный и улыбающийся, обладающий волшебным картоном приглашения, проникал вовнутрь, сквозь кроличью нору входа, и тех, кто вынужденный своей непричастностью, остался тут на тротуаре, продолжать пантомиму ускользаю-

щей надежды. — Как же он похож на моего ублюдочного отца! — Росс задумался, вспоминая.

... Да что ж сказать — такая судьба. Она у каждого своя, кем то выбрана и подарена — на, держи, пользуйся и не обляпайся! А если ты думаешь, по своей наивности или лучше сказать глупости, что это не твое, не твоя судьба — попробуй, исправь. Только все это дудки! Ничего не исправить! И даже, если на секунду тебе показалось, что ты хозяин своей судьбы — тут же опустят на место, да еще наградят увесистой затрепщиной. Уж что-что, а это он понял по всем тем тумакам и шишкам, что наградила его эта судьба.

Он стал подозревать об этом еще в детстве, когда его любящий подвыпить отец, приходя с очередного застолья, распускал руки на мать. Ему лет пять, наверное, было, и он еще не знал, насколько тяжелая рука у отца. В этот раз он решился, выскочил наперерез пьяному вдрызг отцу, когда тот уже намахивался на дрожащую от ужаса мать и заорал, что было сил:

— Уйди!

И тут же получил ладонью по уху. Он тогда потерял сознание, а когда очнулся, обнаружил себя накрытым одеялом на белых больничных простынях, как потом стало ясно, провалявшись тут почти неделю. Рядом сидела мать и виновато, как-то жалостливо, заглядывала в его глаза. Отца не было.

Мать тогда сказала, что они любят с отцом друг друга, а произошедшее стало случайностью, ошибкой. Что отцу

очень жалко и что не пришел он по одной простой причине – задержался на работе, но передает ему, Россу, своему сыну, привет. Говоря все это, мама отворачивалась от его взгляда, пряталась в одежду, сутулилась. Он спросил, что случилось, она торопливо ответила, что все хорошо, и что они ждут его скорого возвращения.

Он, конечно, видел её новые синяки, понимал, что побои не закончились, но не понимал, почему она его защищает, почему они не уйдут из этого дома. Он спросил ее об этом. Мама тогда посмотрела на него с упреком и горько сказала, что некуда, что нет такого места, где им будет хорошо вдвоем.

А через две недели, прохладной, освещенной редкими уличными фонарями ночью, отец забил ее до смерти у соседей на глазах. Росс тогда схватил кухонный нож, которым мама разделывала крупные куски мяса, бросился к отцу. Он хотел его смерти. Но не справился, налетев на крупный и жесткий кулак, сломавший ему передние зубы.

Отец был тогда особенно жесток, не жалел в пьяном безумстве его маленькое и бесчувственное тело, бил и бил. Потом приехала полиция, вызванная кем-то из соседей, и отца забрали.

Конечно, его посадили. Надолго. А Росс попал в детский дом, к таким же беспризорникам, что лишались родительских гнезд, разоренных этой сукой – судьбой! Через год, отец покончил счеты с жизнью. Видимо там, за решеткой, осво-

бодившись от абстинентного синдрома, он ронял все ужасы им сотворенные.

А он замкнулся в себе. Замкнулся, потому что боялся себя нового, своей агрессии и ненависти к людям. Стал жестоким и нелюдимым. Ему тогда школьный психолог поставила диагноз – детская психопатия, и предложила лечение. А так как за него никто из взрослых не мог поручиться, то лечение проводили в спецлечебнице, от интерната.

Это время он старался не вспоминать. Не вспоминать санитаров в белых халатах, злоупотребляющих своей силой и властью, насилие в среде подростков, ужасы карцера. И как ему казалось, вместо того, что бы уйти, болезнь стала прогрессировать, коверкая до неузнаваемости детскую психику. Понимая последствия такого лечения, и что его могут и во все не выпустить из этого ада, Росс загнал внутрь себя все следы болезни, говорил докторам то, что те хотели слышать. И его отпустили...

Ему было двадцать шесть лет. Крупный детина, бритый наголо, с огромными руками и паровой луженой трубой, вместо глотки. Неудивительно, что его сразу взяли на это место. А ему тут понравилось. Понравилось чувство власти и еще то, что он мог вполне законно бить людей. А вот это он очень любил. Все остальное, в виде бесплатной кормежки, трансфера до работы и обратно, а так же весьма неплохого жалования, он считал приятными бонусами. Но главное – что его боялись. Он это чувствовал от людей в очере-

ди, и еще сильнее он это ощущал, после очередного кровавого мордобития, когда вновь возвращался на свое рабочее место. Только одно его всегда смущало, а иногда даже бесило до такой степени, что он готов был полезть в драку! Так на него влиял босс, своим желанием контролировать все и всех. Пусть лучше девок своих контролирует, чтоб их кто по сральникам бесплатно не растащил и не обрюхатил там! А он тут, перед входом все знает и делает верно! Его не надо учить и особенно указывать, что делать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.